
МАРТА РОВЕНСКАЯ
У ВЕДЬМЫ ДОМА

Марта Ровенская

У ведьмы дома

«Автор»
2026

Ровенская М.

У ведьмы дома / М. Ровенская — «Автор», 2026

После ссоры с родителями и потери работы я уехала к бабушке в деревню — выдохнуть и немного прийти в себя. Казалось, уж там-то можно спокойно разобраться со своей жизнью.Только к говорящей вороне Карповне я была совершенно не готова. Как и к тому, что в знакомом с детства доме найдётся место магии, а среди моих забот — всё больше поводов увидеть местного врача.

© Ровенская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три дома до бабушки 5
Глава 2. Доктор через два двора 11
Глава 3. Что говорят у магазина 16
Глава 4. Лён и узелки 23
Глава 5. Накануне 30
Глава 6. Тёплая ладонь 35
Глава 7. После гостей 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Марта Ровенская
У ведьмы дома

Глава 1. Три дома до бабушки

До бабушкиного дома оставалось три двора, когда у моего чемодана отвалилось колесо.

Я ещё несколько шагов тащила его за собой, не понимая, почему он вдруг стал таким тяжёлым. Потом обернулась. Чёрное колёсико лежало у обочины, в пыли, а на месте крепления торчал обломок пластмассы.

Я присела, попробовала пристроить его обратно. Прижала посильнее. Детали не сходились.

Сейчас бы только не заплакать. Не здесь, посреди улицы, из-за какого-то чемодана.

За спиной зашипел автобус. Я подняла голову и увидела, как он отъезжает от магазина. На остановке остались две женщины с сумками; одна махнула водителю и пошла в другую сторону.

— Девушка, у вас сломалось?

Из-за сетчатого забора выглянула соседка в выгоревшей голубой рубашке. Очки съехали ей на кончик носа, в руке был шланг. Вода лилась мимо грядки прямо на тапок.

— Тамара Васильевна, это я. Надя.

Она прищурилась, потом просияла.

— Надюшка! А я смотрю — вроде наша, а не узнаю. Господи, ногу-то залила.

Соседка отбросила шланг на землю, вернула его на грядку и только потом повернулась ко мне.

— Стой, у меня тележка. Сейчас привезём.

— Я донесу. Тут чуть-чуть.

Я встала и подняла чемодан за боковую ручку. Ремень сумки врезался в плечо. Пришлось поставить чемодан обратно.

Тамара уже открывала маленькую калитку. В детстве я проходила там свободно, даже с миской малины в руках. Теперь соседке пришлось протиснуться боком, вытягивая за собой садовую тележку.

— Давай с той стороны возьми.

Мы уложили чемодан поверх мешка из-под земли. Сломанное колесо я подобрала и сунула в боковой карман. Ладонь испачкалась, вытереть было не обо что.

Тамара вынула из кармана платок.

— На. Чистый, сегодня положила.

— Спасибо.

Только сейчас я смогла улыбнуться ей как следует.

— Сима тебя с самой среды ждёт, — сказала соседка. — Я думала, к вечеру приедешь.

— С четверга, наверное. Я вчера ей позвонила.

— Нет, в среду ещё говорила. Мы с ней рассаду перебирали.

Я взялась за ручки тележки, и разговор на минуту прервался. Одно колесо застряло в колее. Тамара помогла вытащить его, придержала чемодан, пока мы разворачивались.

— Ты надолго к нам?

— Пока не знаю.

Мне хотелось сказать это спокойно, но голос дрогнул. Соседка посмотрела на меня внимательнее.

— А с работой как?

— Уволили.

Я приготовилась объяснять: как получилось, почему не смогла исправить, что собираюсь делать дальше. Но Тамара только вздохнула и погладила меня по плечу.

— Поживи у бабушки. Отдохнёшь. Тут осторожнее, корень.

Тележка подпрыгнула на бугре. Я крепче сжала ручки и больше ничего не сказала. За эту короткую передышку, за то, что можно было просто идти и везти свои вещи, я была ей очень благодарна.

Дома мы говорили о моей работе два дня подряд.

Мама то жалела меня, то начинала объяснять, что цветочный салон изначально был несерьёзным выбором. Отец звонил знакомым. В четверг он положил возле моей тарелки адрес конторы, куда меня обещали взять хотя бы на собеседование.

— В понедельник к девяти. Я договорился.

Я посмотрела на листок. Даже не спросила, что это за работа.

— Пап, а со мной?

— Что с тобой?

— Со мной ты можешь сначала договориться?

Он обиделся. Я видела, как он сжал губы, и могла ещё остановиться, сказать мягче. Но мама уже говорила, что мне двадцать девять и пора хотя бы понять, чего я хочу. А я вдруг не могла вынести ещё одного вечера, в котором все знают, что мне делать, кроме меня самой.

Мы наговорили друг другу много лишнего.

Потом я сидела на полу в прихожей, выбирала номер бабушки и слышала из кухни, как мама сердито переставляет посуду. Дождалась ответа и сказала, что хочу приехать.

— Конечно, приезжай, — ответила бабушка. — Я тебе кровать постелю.

И после небольшой паузы добавила:

— У меня петрушка взошла. Поможешь мне с ней?

Я кивнула в телефон, потом вспомнила, что она не видит.

— Помогу.

Больше она ни о чём не спросила. А я так и просидела на полу ещё несколько минут, прижимая к уху уже замолчавший телефон.

— Калитку открой, — попросила Тамара.

Мы приехали.

Под сиренью стояла наша старая скамейка, на её дальнем конце лежал свёрнутый половик. Краска на ограде за зиму облезла, зато у крыльца распустились мелкие жёлтые цветы, которых в прошлый раз не было. Из кухонного окна пахло жареным луком.

Я толкнула калитку. Она привычно задела землю, и пришлось немного приподнять её за ручку.

— Ба!

Дверь открылась, когда мы ещё не успели поставить чемодан на дорожку.

Бабушка вышла в коричневом платье и своей мягкой вязаной кофте. В руках у неё было полотенце. Увидев меня, она улыбнулась, так знакомо прищурив глаза, что у меня снова защипало в носу.

— Надюшка приехала.

Я обняла её прямо на ступеньках. Наклонилась, уткнулась лицом в седые волосы и почувствовала запах мыла, которым она пользовалась, сколько я себя помнила.

Бабушка гладила меня по спине.

— Ну, моя хорошая. Ну что ты.

Я ничего не могла ответить. Только кивала, хотя она ни о чём не спрашивала, и прижимала её к себе. Кофта была тёплая, немного колючая у ворота. Я знала, что сейчас отпущу

бабушку, выпрямлюсь, надо будет поздороваться нормально, рассказать про дорогу. Ещё чуть-чуть постояла так.

За калиткой загремела тележка.

— Я пойду, Сима. У меня там полив, — сказала Тамара.

— Спасибо тебе.

— Да за что. Заходи потом, Надюш. Малину посмотришь, как разрослась.

Я обернулась и помахала ей. Платок остался у меня в руке.

Бабушка отступила на полшага, разглядывая моё лицо.

— Обгорела, что ли?

— В автобусе солнце пекло. Я у окна сидела.

— Сейчас умоешься. Есть хочешь?

Я только тут поняла, насколько.

— Очень.

— Ну, идём.

Она взялась за ручку чемодана, но я успела перехватить.

— Я сама, ба. Только сумку занеси, ладно?

В сенях мне пришлось остановиться: на перилах у двери сидела ворона.

Серая грудь, блестящая чёрная голова, неровные перья на одном крыле. Птица наклонилась, посмотрела на меня одним глазом и дёрнула за ремешок сумки, которую бабушка держала возле колена.

— Карповна, пусти.

Ворона отпрыгнула вдоль перил. Я невольно улыбнулась.

— Она уже сюда заходит?

Зимой я видела её у сарая. Тогда Карповна ела из миски и не подпускала меня близко.

— Заходит, — сказала бабушка. — Иногда и раньше меня.

Она подняла сумку повыше и внесла в дом. Я последовала за ней с чемоданом, стараясь не задеть дверной косяк. Ворона осталась снаружи.

На кухонном подоконнике стояли ящики с рассадой. Листья тянулись к свету и задевали кружку, в которой бабушка держала карандаши. Мешок с землёй она убрала под стол. Я зацепила его ногой, когда садилась на своё место у окна.

— Ой, забыла про него, — спохватилась бабушка.

— Потом вынесу.

Умывшись, я промокнула лицо полотенцем и села снова, уже осторожнее. На столе появились картошка с укропом, хлеб, огурцы в глубокой миске. Бабушка подвинула ко мне вилку.

— Лук ведь ешь?

— Ем. Я его лет с пятнадцати ем.

— А у меня всё помнится, как ты выбирала.

Она улыбнулась и положила мне поджаристый кусочек с краю сковороды. Я помнила то же самое: сидела в этом кресле, болтала ногами и старательно складывала лук на бортик тарелки, уверенная, что никто не заметит.

Теперь я съела всё. Бабушка подождала, пока я допью воду, и только тогда спросила:

— Ну что у тебя случилось? Рассказывай.

Я покрутила пустую кружку за ручку.

— Заказ перепутала. Большой. Двадцать четыре композиции, на юбилей фирмы.

— В салоне?

— Да. Их отвезли в другой ресторан. На карточке оказался не тот адрес. Пока разобрались, пока водитель доехал обратно через весь город… Гости уже собрались.

Я всё ещё видела эти белые цветы в прозрачных коробках. В тот день у нас была завалена вся столешница, вода со стеблей стекала на пол. Карточки доставок я на минуту сунула в льняной мешочек с ключами, чтобы не намочить, а потом вытащила верхнюю и закрепила на заказе.

Адрес я проверяла. Помнила, как смотрела на него. Но заказ уехал не туда, и объяснить это я не могла.

— А перед этим ещё два раза напутала, — сказала я. — Там по мелочи, но всё равно. Три года ничего подобного, а тут подряд.

Бабушка слушала, положив руки на стол. На пальце у неё белела полоска пластыря.

— Порезалась?

— Ерунда. Об тёрку. Ты говори.

Я опустила глаза.

— В среду он сказал, чтобы больше не приходила. Я даже не стала спорить. Стояла там и думала, как это маме объяснять. Представляешь?

Кружка скрипнула по клеёнке. Я отпустила ручку и положила ладонь на стол.

— Объяснила?

— Объяснила. Лучше бы не начинала.

Но рассказав про увольнение, я уже не могла остановиться. Вспомнила и папино собеседование, и мамино «тебе всё не так», и то, как сама крикнула, что им нужна другая дочь. Последнее было стыдно повторять. Я некоторое время смотрела в окно, на листья сирени, и всё-таки повторила.

— Зачем я это сказала, ба? Они же мне помочь хотели.

Бабушка накрыла мою руку своей.

— Знаю, что хотели.

— Но я так больше не могу. Они даже не спрашивают. Просто решают, а я потом должна радоваться.

Она помолчала. Большой палец медленно прошёлся по моим костяшкам.

— Не надо было за тебя решать, — сказала бабушка.

Мне полегчало от этих слов. Я придвинулась ближе к столу и вдруг почувствовала, как устала: глаза щипало, плечо ныло, тяжело было даже сидеть прямо.

Бабушка заметила.

— Полежишь после обеда. Кровать готова.

В раму постучали.

Я вздрогнула и повернулась. За окном сидела Карповна. Она ткнула клювом в дерево ещё раз и отступила, когда бабушка потянулась к маленькой кастрюльке.

— А ей? — спросила я.

— Каши оставила.

— Давай отнесу.

Блюдце было тёплым. Я держала его обеими руками, пока спускалась на крыльцо. Ворона уже ждала внизу, на дорожке. Поставив еду, я присела рядом. Карповна вытянула шею, взяла кашу с края и посмотрела на меня. Потом подошла ближе.

Потрогать её хотелось ужасно. Я даже потянулась, но птица сразу отскочила.

— Ладно, не буду.

Я убрала руку, и Карповна вернулась к блюдцу.

В кухне бабушка сидела у стола, опираясь локтем на клеёнку. Полотенце соскользнуло у неё с колен. Я подняла его и повесила на спинку стула.

— Устала?

— Немного.

— Пойдём, я тебя уложу. А посуду сама помою.

Обычно она начинала спорить, что никакая не старая и нечего вокруг неё бегать. В этот раз только кивнула. Я прошла с ней до комнаты, поправила сбившийся у стены край одеяла. Пока бабушка снимала кофту, на секунду увидела её тонкие плечи и отвернулась к окну.

Зимой она, кажется, была крепче.

— Что там? — спросила бабушка.

— Ничего. Форточку тебе открыть?

— Приоткрой немножко.

Вернувшись на кухню, я вымыла посуду, вытерла клеёнку, вынесла мешок с землёй в сени. Не торопилась. Несколько раз ловила себя на том, что прислушиваюсь к дому: не зовёт ли бабушка, не надо ли ей чего-нибудь. Из комнаты доносился только редкий скрип кровати.

На телефон пришло мамино сообщение: «Доехала?»

Я села на подоконник, отодвинув ящик с рассадой, и набрала: «Доехала. Всё хорошо. Потом позвоню».

Мама почти сразу спросила про бабушку.

Я ответила, что она спит, и добавила: «Не волнуйся».

Потом ещё немного подержала телефон в руках. Хотелось написать про вчерашнее. Я даже начала, но стёрла и убрала его в карман. Позвоню вечером. Сейчас голос опять мог сорваться.

В моей комнате пахло чистым бельём. На кровати лежал знакомый пододеяльник с зелёными полосами. Возле застёжки виднелся маленький зашитый треугольник — след от заколки, с которой я когда-то полезла спать.

Я разгладила ткань ладонью и села на край.

Бабушка постелила мне так же, как зимой. Только тогда в понедельник нужно было на работу, и я заранее смотрела расписание автобусов. Теперь обратного билета у меня не было.

Чемодан я поставила у стены на газету. Пока искала домашнюю футболку, попался бейдж из салона. Я сунула его поглубже, под носки.

Из сумки вынула льняной мешочек. На нём разошёлся один стежок синего листика, и я подцепила нитку ногтем. Бабушка подарила его на мой прошлый день рождения, велела держать в нём ключи, чтобы не рвали подкладку. Я тогда посмеялась, что она зашивает сумку чаще, чем видит меня. Она велела приезжать и без рваной сумки.

Мы каждую неделю созванивались. Я рассказывала, что у меня всё нормально, спрашивала, как у неё, а потом снова шла разбирать заказы, покупать продукты, делать что-то ещё. С зимы всё собиралась выкроить хотя бы несколько дней.

Я положила мешочек на тумбочку. Легла поверх одеяла и повернулась к стене.

Последнее, что помнила перед сном, — как бабушка за стеной негромко кашлянула. Я хотела встать, спросить, принести ли воды. Потом услышала, что она тихонько напевает, и осталась лежать.

Проснулась я от её шагов.

В дверях стояла бабушка со стопкой белья. Свет из окна уже падал на другую стену.

— Разбудила? Спи, спи. Я только положу.

— Хватит уже. А то ночью не усну.

Я села, приглаживая волосы. Бабушка открыла шкаф, попыталась пристроить наволочки. Дверца не закрывалась.

— Там коробка, ба. Подожди.

Я поднялась и передвинула ёлочные игрушки. Шарик внутри негромко звякнул, и мы обе замерли. Потом бабушка рассмеялась, совсем тихо.

— Каждый раз думаю, что разбили.

— А там, наверное, уже всё разбито.

— Не наговаривай. Целые. В январе же вешали.

Я придержала дверцу, пока она поворачивала ключ.

— Постель сухая? — спросила бабушка.

— Сухая. А что?

— Во вторник стирала. Вывесила, а к вечеру дождь. Досушивала в доме.

Я оглянулась на смятые зелёные полосы.

— Тамара сказала, ты с самой среды меня ждала.

— Ждала.

— Я ведь только вчера позвонила.

Бабушка провела ладонью по дверце, проверила, закрылась ли, и повернулась ко мне.

— Ну и что? Я тебя всегда жду.

Я смотрела на неё и улыбалась. Может, мама успела позвонить раньше. А может, бабушка просто сказала Тамаре, что пора бы мне приехать. За годы таких разговоров было немало.

Всё равно хотелось обнять её ещё раз. Я так и сделала, осторожно, помня, какие тонкие у неё плечи.

— Я рада, что приехала, ба.

Она погладила меня по щеке.

— И я рада. Пойдём чай пить?

На кухне стоял яблочный пирог. Бабушка отрезала мне кусок без подгоревшего края, хотя я давно любила именно корочку. Я отрезала другой, а этот подвинула ей.

Сели рядом, потому что напротив на стуле сохло полотенце. Из окна тянуло сиренью. Я грела ладони о чашку и слушала, как бабушка рассказывает про соседскую кошку, которая всю весну спала у неё на рассаде.

Через несколько минут я взялась за пирог. Чай оказался слишком горячим, пришлось подуть. Бабушка заметила, улыбнулась мне и продолжила рассказывать.

Я никуда её не торопила.

Глава 2. Доктор через два двора

Утром бабушка забрала у меня нож.

— Ты куда столько чистишь? Нас двое.

Я посмотрела в миску. Картошки действительно было много. Пока мы разговаривали, я успела очистить почти всё, что лежало в пакете.

— На ужин останется.

— На ужин я тебе творог купила. Со сметаной.

— Тогда на завтра.

Бабушка положила нож возле мойки и подвинула ко мне кружку. Я села, придерживая коленом выдвинутый ящик: он всё время мешал ей проходить, а закрываться не хотел.

— Не надо мне всё хозяйство за одно утро переделывать, Надюш. Успеешь.

Я отпила чай. С утра мне казалось, что здесь непременно нужно много работать. Не лежать же у бабушки на шее после того, как сама приехала с чемоданом и своими несчастьями. Я уже вымыла пол в сенях, переставила землю, которую вчера вынесла из кухни, и начала думать об окнах.

Бабушка села напротив.

— Маме позвонила?

— Вчера вечером.

— Ну?

Я пожала плечами.

Мы говорили минут десять. Мама спросила, где я буду искать работу, я ответила, что пока нигде. Она напомнила про понедельник, я снова сказала, что на папино собеседование не пойду. Потом мы обе замолчали, и я услышала, как она открывает кухонный кран. В конце мама попросила передать бабушке привет. Я так обрадовалась возможности сказать что-нибудь простое, что сразу начала рассказывать про пирог.

— Не поругались, — сказала я. — Уже хорошо.

Бабушка кивнула и пододвинула мне сахарницу, хотя я не просила.

За хлебом она велела идти после часа: к этому времени в магазин привозили свежий. До обеда мы вытащили на крыльцо ящик с рассадой, потом я помыла Тамарин платок и повесила на верёвку. Пока он сох, сидела рядом с бабушкой и слушала, какие из её помидоров опять выросли выше всех разумных пределов.

Карповна ходила вдоль нижней ступеньки. Она нашла кусочек сухой земли, перенесла его к моей ноге и долго рассматривала. Я подставила раскрытую ладонь. Ворона посмотрела на неё и ушла к бабушке.

— Ну конечно, — сказала я. — Я тут только полы мою.

Бабушка засмеялась и наконец согласилась, чтобы я принесла ей подушку под спину.

В магазин я отправилась с матерчатой сумкой и коротким списком. В списке были хлеб, молоко и спички. Спички бабушка подчеркнула дважды: накануне я нашла целых четыре коробка, но в каждом лежало по одной отсыревшей спичке.

До магазина было недалеко. Только сначала меня остановила Тамара, которой я вернула ещё чуть влажный платок. Потом пришлось объяснять незнакомому мужчине у зелёного забора, чья я внучка. Он вспомнил меня маленькой, спросил про родителей и предложил крыжовник, который ещё только собирался вырасти.

Когда я добралась до магазина, хлеб уже раскладывали.

— Серафимина Надя? — спросила женщина за прилавком.

Я приготовилась к очередному рассказу о себе, но она только положила в пакет круглую буханку.

— Бабушке половину ржаного и этот. Она вчера просила. Я Валентина. Помнишь меня?

Теперь, услышав голос, я вспомнила. Лет пятнадцать назад Валентина носила короткую стрижку и продавала нам мороженое из старого ларя. Стрижка стала длиннее, ларь исчез, а её привычка придерживать пакет двумя пальцами осталась прежней.

— Вы ещё сдачу всегда конфетами давали.

— Когда монет не было. А вы старались попасть именно тогда.

Я улыбнулась. Валентина достала молоко, спички, потом заметила, как я смотрю на стойку с семенами.

— Сажать будете? Там бархатцы хорошие.

Я сняла пакетик космеи. На картинке были белые и розовые цветы, простые, с жёлтой серединкой.

— Эти возьму.

— Они же обычные.

— Мне такие и нравятся.

В детстве космея росла у бабушки вдоль ограды, почти вровень со мной. Я прижимала цветок к носу, чтобы понюхать, и всякий раз пачкалась жёлтой пыльцой. Потом мы с бабушкой вытирали лицо мокрым уголком полотенца. Хотелось снова посадить их на том же месте.

Я уже расплатилась, когда в проход протиснулся высокий худой мальчишка с коробкой печенья.

— Тёть Валь, куда?

— На полку. Только не вставай на мешок, он рвётся.

Мальчишка сунул коробку под мышку, встал на цыпочки и всё-таки поставил её наверх. При этом локтем сбил висевший пакет с прищепками. Я поймала пакет у самого пола.

— Спасибо, — сказал он. — Я Паша.

— Надя.

— Знаю. Вы к Серафиме Никитичне приехали.

Удивляться этому уже не имело смысла.

Я убрала покупки в сумку и потянула дверь на себя. Дверь не поддалась. Я дёрнула сильнее.

— От себя, — подсказали снаружи.

В тот же миг кто-то нажал на ручку с другой стороны. Я отступила, сумка зацепилась длинной петлёй за железный крючок возле косяка. Хлеб потянул вниз, я схватилась за обе ручки и оказалась стоящей поперёк выхода, словно намеренно никого не собиралась выпускать.

— Подождите, — сказала я. — Я сейчас.

Мужчина придержал дверь плечом.

— Отпустите немного. Она натянулась.

— Если отпущу, молоко разобьётся.

— Я подержу снизу.

Он нагнулся, подставил ладонь под сумку, и мне удалось снять петлю с крючка. Всё заняло несколько секунд. За это время я успела рассмотреть его тёмные волосы, загорелую шею над воротом рубашки и очень серьёзное лицо человека, который спасает чужое молоко.

Выпрямившись, он улыбнулся.

— Получилось.

— Спасибо. Обычно я выхожу из магазинов без посторонней помощи.

— Здесь крючок неудобный. Я за него куртку порвал.

Мне сразу стало легче. Он не торопил меня и не пытался сделать из случившегося что-то ужасно смешное. Просто пропустил на крыльцо, а сам остался придерживать дверь для Паши.

— Илья, — сказал он.

— Надя.

— Соседи. Я через два двора от Серафимы Никитичны живу.

— И вы тоже знаете, к кому я приехала?

Он чуть смутился.

— Я вчера вашу бабушку видел. Она сказала. И обещала, что теперь перестанет сама таскать землю.

— Это она зря обещала. Я сегодня один мешок отняла. Насчёт остальных мы ещё договариваемся.

На площадке перед магазином стояла серая машина. Илья кивнул Валентине через открытую дверь, и она вынесла ему заранее собранный пакет. Он поставил покупки у ноги. На рукаве у него темнела тонкая складка, как будто рукав долго был завёрнут, а потом его поспешно расправили.

— С работы? — спросила я.

— Да. Сегодня до часа приём. Пока доехал, как раз хлеб привезли.

— Вы где работаете?

— В городской поликлинике. Врач общей практики.

Я невольно посмотрела на свои руки: на запястье засохла земля от рассады. Почему это вдруг стало важно, я не поняла. Потёрла пятно большим пальцем, только размазала.

— А живёте здесь?

— Здесь. До города тридцать пять километров. Если выезжать вовремя, терпимо.

— А если не вовремя?

— Тогда каждое утро встречаешь один и тот же трактор.

Он сказал это с такой спокойной досадой, что я рассмеялась. Паша, который всё это время ожидал возле ступеней, тоже улыбнулся.

— Он и вовремя его встречает. Просто раньше.

— Вот именно, — согласился Илья.

Из магазина вышла девушка с большой плоской папкой. Волосы она собрала на затылке карандашом, из бокового кармана рюкзака торчала линейка.

— Паш, ты идёшь? Ты обещал мне планшет донести.

— А ты обещала быстро.

— Мне распечатку отдали. Я её не сама в магазине рисовала.

Она перехватила папку и поздоровалась со мной. Катю я вспомнила маленькой, с двумя короткими хвостиками; сейчас ей было восемнадцать, и она собиралась поступать на графический дизайн. Узнав, из какого я города, оживилась: колледж был как раз там.

— Можно будет потом спросить про общежитие? Я адрес нашла, но по карте не понимаю, далеко ли оно.

— Конечно. Только я внутри не была.

— Мне хотя бы понять, где автобус.

Паша подхватил её папку.

— Ещё не поступила, а уже весь автобус расписала.

— Поэтому и готовлюсь, чтобы поступить. Дома поможешь мне стол освободить?

Он отвернулся, будто не услышал, и предложил донести мою сумку. Катя забрала у него папку. Я отказалась от помощи, но Паша взял сумку за одну ручку.

— Мне всё равно туда. И Тамаре Васильевне пакет отдам.

В другой руке у него действительно был пакет, который я раньше не заметила.

Илья посмотрел на нас, потом на свою машину.

— Подвезти?

Я представила, как мы загружаемся ради семи минут ходьбы, и покачала головой.

— Прогуляюсь. Я только дорогу наконец вспомнила.

— Тогда до встречи.

Он поднял руку и пошёл к машине. Я поймала себя на том, что смотрю ему вслед чуть дольше, чем требовалось. Потом повернулась к Кате и спросила про её рисунки.

До бабушки мы шли все вместе. У Тамары Паша открыл калитку, даже не постучав, оставил пакет на лавке и вернулся. Катя терпеливо ждала его у дороги. Она рассказала, что нужно собрать работы для просмотра, а дома младший брат всё время подкладывает ей на стол свои велосипедные детали.

— Там свет хороший, — объяснил он.

— У меня тоже из-за этого там стол.

У Тамариной калитки Катя попросила меня подержать папку, пока она поправляет рюкзак. Завязки ослабли, из-под картонной крышки выскользнул угол рисунка. Я увидела знакомый рукомойник и Тамарину руку, державшую под струёй пучок редиски.

— Это вы здесь рисовали?

— Ага. Вчера. Только руку я плохо сделала.

Она показала, где ошиблась, но я смотрела на мокрые редиски. Они были такими настоящими, что захотелось стряхнуть с них воду.

— Можно? — Я чуть приподняла крышку.

Катя кивнула. За первым листом лежал ещё один, с нашей улицей и магазином. Дверь на рисунке была открыта. Тот самый крючок торчал из косяка.

— Вот его надо убрать, — сказала я.

Катя испугалась:

— Из рисунка?

— Из магазина. Я за него зацепилась. А рисунок хороший.

Она выдохнула и улыбнулась. Паша заглянул через моё плечо.

— У неё дома ещё лучше есть. С нашей кошкой.

— Она не для просмотра, Паш.

— Ну и что? Всё равно лучше.

Катя потянулась за папкой, но я сначала аккуратно завязала тесёмки. Спросила, сколько ещё нужно работ. Она ответила, и мы пошли дальше, обсуждая бумагу и автобус до колледжа. Я вспомнила нужную остановку, даже магазин возле поворота. Оказалось приятно знать что-то полезное и рассказывать об этом человеку, который слушал с таким вниманием.

Паша молчал. Возле бабушкиного дома он переставил сумку в другую руку и спросил Катю, долго ли учатся на этих её художников. Катя ответила. Он только хмыкнул и первым свернул к калитке.

За разговором дорога закончилась быстрее, чем мне хотелось.

Бабушка сидела на крыльце. Увидев Пашу, она попросила его подтянуть завязку у калитки. С внутренней стороны, под поперечной доской, висел маленький льняной узелок. Я помнила там верёвочку ещё с зимы, но не приглядывалась.

Паша поставил сумку, поднялся на носки и проверил шнур.

— Не отвязался.

— Вот и хорошо. Сам узел не трогай.

— Это от ветра? — спросила Катя.

— Чтобы калиткой не хлопало, — ответила бабушка.

Я решила, что ткань мешает железу стучать. В этом доме и без того хватало маленьких приспособлений, назначение которых знала только Серафима Никитична.

Бабушка позвала ребят поесть пирога. Катя отказалась — дома её ждали рисунки, — а Паша согласился взять кусок с собой. Тогда бабушка завернула два и дала Кате, словно заранее знала, кто донесёт.

Когда они ушли, я разложила покупки. Молоко уцелело, хлеб был ещё тёплым. Бабушка отрезала корочку, протянула мне половину.

— Познакомилась с доктором?

— С Ильёй? Да.

— Хороший он.

Я занялась спичками, пряча их в сухой ящик.

— Ба, мы только сумку с двери снимали.

— Ну и хорошо, что сняли.

Она сказала это так просто, что я всё-таки посмотрела на неё. Бабушка ела хлеб и, кажется, совершенно не собиралась обсуждать мою личную жизнь.

Во второй половине дня я нашла маленькую тяпку и принялась рыхлить землю вдоль ограды. Решила посеять космею, пока не передумала. Бабушка из окна посоветовала не делать грядку слишком близко к дороге: цветы вырастут, и прохожие начнут цепляться за стебли.

Я отступила на полшага, присела и провела бороздку.

— Всё-таки белые с розовым?

Я подняла голову.

Илья стоял за оградой. Уже в футболке, с коротким обрезком шланга в руке. Должно быть, шёл к соседу: в его стороне двора никого не было, только открытая калитка.

— Вы запомнили?

— Пакетик торчал из сумки.

— Космея, — сказала я. — Люблю её.

— Я понял.

Он задержался ещё на минуту, посмотрел, где я сделала бороздку, потом попрощался. Я проводила его взглядом и вернулась к семенам. Они были длинные, неровные и липли к влажным пальцам.

Из окна бабушка спросила, не пора ли пить чай.

— Сейчас, ба. Один ряд закончу.

Мне хотелось, чтобы космея взошла. И ещё — чтобы к тому времени, когда она зацветёт, я всё ещё была здесь.

Глава 3. Что говорят у магазина

В воскресенье я решила пришить пуговицу к бабушкиной кофте и обнаружила, что в коробке с нитками живёт всё, кроме подходящих ниток.

Там были две маленькие батарейки, ключ неизвестно от чего, три пуговицы от совершенно другой одежды и напёрсток, которым я в детстве накрывала вишнёвые косточки. Нитки нашлись чёрные и ярко-жёлтые. Кофта была светло-серая.

— Чёрными пришей, — предложила бабушка. — Кто там смотреть станет.

— Я стану. Каждый день.

— Тогда сходи купи. И мыло возьми, кончилось.

Она сидела у стола и выбирала из коробки иголки, которые не могла разглядеть без очков. Очки были у неё на голове. Я сняла их и протянула.

Бабушка засмеялась:

— Вот для чего ты приехала.

Я поцеловала её в висок и пошла за сумкой. Мешочек с ключами переложила из вчерашней сумки в маленькую, через плечо. Синий листик опять зацепился распустившейся ниткой за ноготь. Нужно было и его зашить, пока окончательно не растрепался.

У магазина стояла Тамара с пустым пластиковым ведром. Она пыталась пристроить его на багажник велосипеда, а Валентина придерживала резинку, натягивая её на край. Резинка соскальзывала.

— Дай я, — сказала Тамара. — Ты не с той стороны тянешь.

— С какой ни тяни, ведро круглое.

Я подошла и придержала ручку. Втроём мы наконец закрепили ведро так, чтобы оно не болталось возле колеса.

— Спасибо, Надюш, — сказала Тамара. — Куда собралась?

— К вам. То есть в магазин. За нитками.

Валентина пошла за прилавок, а Тамара осталась возле велосипеда, раздумывая, не купить ли ещё что-нибудь. Я уже вошла следом, когда она окликнула хозяйку:

— Ты Симе свои завязки-то отнесла?

— Не отнесла. У меня с утра ни минуты.

— Ну так не жалуйся потом.

— Я не жалуюсь. Только у твоей калитки и петли новые. Может, дело в них?

— Петли Геннадий менял осенью. А хлопать перестало, когда Сима узелок дала.

Валентина достала с полки коробку с нитками и открыла передо мной. Я выбрала катушку, но положить её на прилавок не успела.

— Удобно тебе, — продолжала Валентина. — Ведьма через три дома живёт. Я бы, может, и не хотела так близко.

Тамара посмотрела на неё поверх очков.

— За узелком всё равно ходила.

Катушка покатилась по прилавку. Я поймала её возле весов.

— Это вы про мою бабушку?

Обе замолчали. Валентина сразу посмотрела на Тамару, а та — на меня.

— Надюш, — начала Тамара, — мы не в обиду.

— Вы её ведьмой назвали.

Я слышала, как резко прозвучало последнее слово. Ещё вчера мне здесь улыбались и помогали нести покупки, а теперь обсуждали бабушку так, будто я могла спокойно выбирать мыло и ничего не заметить.

Валентина закрыла коробку с нитками.

— Так она и есть ведьма. Ты разве не знала?

Я смотрела на неё, ожидая смеха. Валентина не смеялась. За её спиной тихо гудел холодильник, где-то в подсобке капала вода.

— Она вам что-то плохое сделала?

— Господи, нет. — Тамара подошла ближе. — Я у неё полжизни соль занимаю. И она у меня. Не злись.

— Тогда зачем вы так?

Тамара сняла очки и протёрла их краем рубашки.

— А как? Она сама не обижается. Умеет то, чего мы не умеем. Мне вот с калиткой помогла. Ветер был — в огороде вздрагивала каждый раз. Теперь тихо.

— Значит, починила, — сказала я.

— Может, и так можно сказать.

Валентина подала мне мыло. На обёртке был залом, и она машинально пригладила его пальцем.

— Я плохого про Серафиму не говорю. Но мне неприятно бывает. Попросишь завязку поправить, а она сразу: «Не дёргай сердито, опять порвёшь». Откуда ей знать, как я дёргаю?

— Да у тебя по шнуру видно, — ответила Тамара.

Валентина вздохнула:

— Ну, видно. Я же не спорю.

Я заплатила, убрала покупки и выбрала из банки у кассы два мятных леденца. Бабушка любила их держать в кармане кофты. Руки действовали сами, а я всё ещё пыталась понять, что именно здесь обсуждают.

Может быть, так называли любую женщину, которая жила одна, разбиралась в травах и не терпела чужой глупости. Хотя в травах бабушка разбиралась не больше, чем в рассаде: знала, что посадила сама. Никогда не видела у неё котла, чёрных свечей или хоть чего-нибудь, что годилось бы для страшной истории.

Зато видела узелки. И то, как она разговаривала с Карповной, тоже видела.

— Надя, — позвала Валентина, когда я взялась за ручку двери. — Ты Серафиме не передавай, будто мы тут её ругали. Не ругали мы.

— Я сама с ней поговорю.

Тамара вышла следом. Пока отстёгивала велосипед от стойки, предложила проводить меня. Я отказалась. Не хотелось ещё раз услышать, что обижаться не на что.

Дома бабушка чистила морковь. Рядом на клеёнке лежал нож с облупленной ручкой, а у окна сохли блюдца. Всё было настолько обычным, что я остановилась в дверях.

— Нитки купила? — спросила она.

— Купила.

— Там иголка в подушечке. Я потолще нашла, чтобы продеть легче.

Я поставила сумку на стул и достала леденцы.

— Это тебе.

Бабушка обрадовалась, как ребёнок. Сразу развернула один, второй сунула в карман. Я села напротив неё, расправила кофту на коленях и взялась за пуговицу.

Спросить не получилось.

Как ни подбирала слова, выходило глупо. «Ба, ты случайно не ведьма?» Звучало так, будто мы смотрим телевизор и я дразню её после какой-нибудь передачи. А мне не хотелось ни дразнить, ни заставлять оправдываться за соседские разговоры.

Бабушка подвинула ко мне маленькие ножницы.

— В магазине что-то случилось?

— Почему?

— Ты иголкой уже третий раз мимо идёшь.

Я уколола палец ещё раз, теперь по-настоящему, и сердито положила кофту.

— Там говорили про тебя.

— Кто?

— Валентина с Тамарой.

Бабушка посмотрела на меня внимательно, потом на окно. Во дворе скрипнула калитка.

— Надюш, подожди минутку. Кажется, пришли.

Мне захотелось сказать, чтобы она никого не принимала. Но бабушка уже отодвинула стул, и я встала вместе с ней, придерживая кофту со всё ещё торчавшей иголкой.

На крыльце была пожилая женщина, которую я помнила только в лицо. Она держала свёрток в цветастом платке и мялась у перил, не поднимаясь на последнюю ступеньку.

— Сима, я ненадолго.

— Заходи, Зоя Павловна. Что у тебя?

Женщина посмотрела на меня.

— Внучка?

— Надя. Приехала погостить.

Мы поздоровались. Бабушка пригласила соседку на кухню, я убрала иголку в подушечку и пошла поставить чайник. Было неловко стоять над их руками, но уйти в свою комнату я тоже не могла.

Женщина развязала платок. Внутри оказался длинный матерчатый футляр для очков. Один шнур вылез из подгиба, второй почти протёрся.

— Опять выпали, — сказала она. — Хорошо, на кровать. Можно сделать, как тогда, чтобы держалось?

Серафима взяла футляр, потянула ткань у шва.

— Сначала шнур поменяем. Этот совсем плохой.

— Я думала, ты над старым…

— Старый рвётся. Ничего он уже не удержит.

Женщина кивнула. Я налила ей чай и поставила блюдце с остатками пирога. Она отказалась было, но бабушка отрезала небольшой кусок, и отказ закончился.

Они говорили о простых вещах: у соседки собиралась приехать дочь, в сарае протекала крыша, огурцы она посеяла позднее обычного. Я сидела рядом и шила. Пуговица наконец легла ровно. Футляр бабушка отложила на подоконник, очки соседка забрала с собой.

Когда дверь за ней закрылась, я посмотрела на этот маленький свёрток. Он ничем не отличался от тех вещей, которые люди приносили починить или подшить. Можно было решить, что я всё не так поняла.

Только бабушка не сказала мне этого.

— Надюш, иди сюда.

Она сидела на прежнем месте. Я подошла и присела на соседний стул.

— Что они тебе сказали?

— Что ты ведьма.

Я всё-таки произнесла это вслух. Стало очень тихо, хотя чайник продолжал шипеть и с улицы доносился чей-то разговор.

Бабушка кивнула.

— Сказали правду.

— Ба.

— Я не шучу.

Она положила ладонь на моё колено. Я посмотрела на её пальцы, на маленький лоскут пластыря. Этими руками она заплетала мне косы, разрезала яблоко на четвертинки, стирала мои испачканные платья. Сейчас мне предлагали поверить, что я всё это время чего-то о ней не знала.

— А раньше почему не говорила?

Бабушка убрала руку, взяла кофту и проверила пуговицу. Застегнула, расстегнула.

— Всё собиралась. Когда маленькая была — думала, напугаю. Потом ты выросла, и всё труднее становилось начать.

— Я бы не испугалась тебя.

— Теперь знаю.

Мне стало жалко её и немного обидно за себя. Мы ведь разговаривали каждую неделю. Я знала, когда у неё протекает кран, когда привезли лекарства, когда у Тамары сбежала кошка. Почему о главном мне пришлось услышать возле магазина?

— Я их чуть не отругала, — призналась я.

— За меня?

Я кивнула.

Бабушка вздохнула, и в этом вздохе было столько нежности, что я придвинулась к ней ближе.

— Не надо с ними ссориться. Они по-своему говорят.

— Валентина думает, ты знаешь, когда она сердится.

— Валентина и сама всем расскажет. Только успевай слушать.

Я невольно улыбнулась. Бабушка тоже, но сразу посерьёзнела.

— Чужую голову я не вижу, Надя. Не умею. С вещью могу помочь. Немного. Чтобы шнур держался, чтобы сырость из ткани ушла. Такое.

— А этот узелок на калитке?

— Моих рук работа.

— И Тамарин?

— И Тамарин.

Я вспомнила, как вчера решила, что ткань просто мешает железу стучать. Можно ведь привязать тряпку к дверной ручке и назвать это колдовством. Можно угадать настроение Валентины по её лицу. А можно поверить бабушке только потому, что очень её любишь.

— Я пока не понимаю, — сказала я.

— Это ничего.

Она не обиделась. Не стала требовать, чтобы я ей доверяла, и от этого мне захотелось довериться ещё сильнее.

Бабушка потянулась за своей кофтой. Я помогла ей попасть в рукав, ожидая новых объяснений, но она спросила совсем о другом:

— Сходим посидим у колодца? Дома надоело.

— А ты не устанешь?

— Так мы сидеть идём.

До старого колодца было три дома. Воду из него уже не брали, крышку закрыли на замок, а рядом оставалась скамейка под двумя берёзами. Я помнила, как забиралась на её спинку и бабушка ловила меня за подол. Теперь сама принесла ей туфли без каблука и наклонилась застегнуть ремешки.

— Я могу, — сказала она.

— Знаю.

Всё-таки застегнула. Не потому, что она не могла, а потому, что мне хотелось хоть что-нибудь сделать. Бабушка провела ладонью по моей макушке и дала закончить.

Мы вышли через калитку. Я несла сложенную подушечку для скамейки, бабушка — оставшийся леденец в кармане. В кухне она едва успела доесть первый.

— Мне не предлагай, — предупредила я, когда она полезла в карман.

— Да я себе.

Она улыбнулась, и я вдруг вспомнила, как в детстве просила дать попробовать всё, что было у неё на тарелке. От собственной точно такой же каши отказывалась, а из её ложки ела. Бабушка никогда не жаловалась. Теперь я бы с удовольствием отдала ей целую тарелку того, что она могла есть без уговоров.

На дороге было неровно. Мы шли медленно, хотя бабушка сперва старалась поспевать за мной. Я заметила это, когда она замолчала на половине фразы. Остановилась рассмотреть сирень через чужой забор, дождалась её и больше не вырывалась вперёд.

— Эту уже обрезать пора, — сказала она.

— Она же ещё цветёт.

— Вот отцветёт, тогда. А то в окно хозяевам лезет.

Хозяев у окна не было. Зато из соседнего двора вышел Геннадий с крышкой от пластмассового ведра.

— Сима, посмотри. Не налезает, хоть ты что.

Бабушка взяла крышку, повернула в руках.

— А ведро где?

— Дома. Сейчас принесу.

— Не надо, — сказала я.

Оба посмотрели на меня. Я прижала подушечку к животу.

— Мы гулять вышли. Потом посмотрите.

Геннадий перевёл взгляд на бабушку. Мне очень хотелось, чтобы она сейчас согласилась со мной, и было неловко оттого, что я отвечала вместо неё.

— Другую крышку поищи, — сказала она, отдавая пластмассовый круг. — Ты два ведра покупал. Может, перепутал.

— Да одинаковые они.

— Вот и посмотри, одинаковые ли.

Он поскрёб пальцем край крышки и сказал, что посмотрит. Мы пошли дальше. Я уже готовилась услышать, что со старшими так не разговаривают, но бабушка только попросила идти с той стороны, где меньше камней.

— Ты бы остановилась ему помогать, — сказала я.

— Может быть.

— А сама устала.

— Надюш, я и правда могу сказать, когда устала. Ты только не решай всё за меня. Хорошо?

Мне стало жарко. Я сама сердилась на родителей ровно за это, а теперь несла подушку и чувствовала себя вправе распоряжаться целым бабушкиным днём.

— Хорошо. Я просто волнуюсь.

Она взяла меня под руку.

— Вот так и волнуйся. Рядом.

У колодца никого не было. Я стряхнула со скамейки берёзовые серёжки, положила подушку. Бабушка села и вытянула ноги. Между ремешком и кожей виднелась тонкая красная полоска. Я уже собралась расстегнуть туфлю, но она сделала это сама и с удовольствием пошевелила пальцами.

— Новые? — спросила я.

— Прошлогодние. Всё надеялась, разносятся.

— Ты ведь мне говорила так не делать.

— Говорила. А сама купила.

Она откинулась на спинку и закрыла глаза. Я села рядом, не зная, можно ли продолжать разговор про колдовство. В голове толпились вопросы, от самых глупых до тех, которых я боя-

лась. Но бабушка просто грела лицо на солнце. Из кармана кофты выглядывал уголок бумажной обёртки.

— У меня один раз такие красивые туфли были, — сказала она. — Красные. Лаковые. Я в них до клуба дошла, а обратно уже не могла.

— И что?

— Босиком пошла. Туфли за ремешки несла. А твой дед рядом шёл и свою куртку мне предлагал под ноги бросать.

Я засмеялась.

— Бросил?

— Не дала. Хорошая куртка была. Я же потом её стирать буду.

— Вы уже женаты были?

— Ещё нет. Он меня второй раз провожал.

— А ты уже знала, что будешь стирать его куртку?

Бабушка открыла глаза и посмотрела на меня. Я никогда прежде не видела у неё такого выражения: немного смущённого, почти девичьего.

— Хотела, — сказала она.

Я придвинулась ближе. В семейном альбоме дедушка стоял возле мотоцикла, держал меня на руках, резал арбуз. Я помнила его большим, медлительным, с тёплыми ладонями. А сейчас увидела незнакомого молодого мужчину, который шёл по этой дороге и не знал, разрешат ли ему в следующий раз прийти.

— Ты ему хоть сказала, что он тебе нравится?

— Пригласила в воскресенье. Он пришёл с утра, ещё полы не высохли. Так и простоял у двери с яблоками.

— Долго?

— Пока я ему тапочки не вынесла. Сама тоже хороша: волновалась, воды на пол наливала, никак тряпку отжать не могла.

Она рассказывала негромко, иногда останавливаясь, чтобы вспомнить. Я спрашивала про красные туфли, про платье, про то, какие он принёс яблоки. Бабушка не всё помнила. Туфли помнила точно, а яблоки, кажется, были зелёные, и ей потом пришлось варить из них компот.

Мне нравилось, что она не знала всего на свете. Что могла ошибиться с туфлями, растеряться перед мужчиной, забыть, какого цвета у него была куртка. Я и прежде знала, что у неё была жизнь до меня. Только обычно это знание помещалось в одну короткую мысль, а теперь рядом сидела женщина, которая когда-то очень ждала воскресенья.

Она посмотрела на мою руку, лежавшую между нами, и накрыла её своей.

— Ты пока поживи. Не считай каждый день до отъезда.

— Я не считаю.

— Вот и хорошо.

Я положила голову ей на плечо. Кофта пахла домом и мятным леденцом. В городе в это время, наверное, разбирали воскресные заказы, отец проверял почту, мама думала, чем кормить нас вечером. Я скучала и по ним тоже, даже сердясь. Но сейчас мне хотелось сидеть здесь, пока бабушка не скажет, что пора.

Когда она сказала, я не стала уговаривать её ещё отдохнуть. Подала туфли, подняла подушечку. Обратно мы шли под руку, в одном темпе. У дома бабушка попросила меня придержать калитку, а сама остановилась посмотреть, не пересохла ли моя грядка с космеей. В кухне сняла кофту и повесила на спинку стула: здесь было теплее, чем на улице.

Позже я вышла снять с верёвки кухонные полотенца. Сложила их на руку и остановилась у калитки.

Льняной узелок висел там, где Паша проверял его накануне. Маленький, выгоревший, с двумя короткими концами. До железной защёлки он не доставал. Если бы я хотела смягчить стук, пришлось бы привязать ткань совсем в другом месте.

Я открыла калитку и отпустила. Створка чуть качнулась, но не закрылась. Подождала, попробовала ещё раз. Ветер шевелил сирень, трогал мою щёку, а калитка оставалась на месте.

— Надя, ты куда? — спросила бабушка из окна.

— Никуда. Смотрю.

Она ничего больше не сказала. Я пальцем подтолкнула створку, и та послушно закрылась. На третий раз пришлось приподнять её, как всегда, потому что нижний край задел землю.

От этого мне стало почему-то спокойнее. Даже если узелок делал невозможное, он не исправлял заодно перекошенную ограду и неровную дорожку. Дома по-прежнему нужно было подметать, мыть чашки, менять шнуры. И бабушка уставала, когда слишком долго стояла у плиты.

Я вернулась на крыльцо. Карповна сидела на перилах и чистила клюв о дерево. Завидев полотенца, вытянула шею.

— Даже не думай, — сказала я.

Она переступила лапами и отвернулась.

В кухне бабушка пыталась встать, опираясь на край стола. Я положила полотенца на свободный стул и подала ей руку. Она приняла её без спора, поднялась, немного постояла рядом.

— Суп поставим? — спросила я.

— Поставим. Только кастрюлю поменьше. В большую ты опять всего начистишь.

Я обняла её за плечи и прижалась щекой к волосам. Сказать что-нибудь ещё не смогла. Бабушка погладила мою руку, потом попросила выпустить её к раковине.

К вечеру мы вместе сварили суп. Бабушка велела оставить морковь крупными кусочками, потому что любила вылавливать её из бульона. Я вспомнила картошку, начищенную накануне, и обрадовалась, что она пригодилась. Карповна явилась под окно, когда я резала хлеб. Протянула ей маленький кусочек, но птица не взяла его из руки, только наклонила голову. Пришлось положить на блюдце и отойти.

После ужина бабушка попросила принести футляр. Мы подобрали новый шнур, обычный белый, продели его в подгиб английской булавкой. У бабушки не сразу получилось попасть в маленькое отверстие, и я подхватила булавку с другой стороны.

— Вот так, — сказала она. — Спасибо.

— А дальше?

Серафима подняла на меня глаза. Я сжала край футляра, боясь, что сейчас всё снова превратится в разговор, в который мне предлагают поверить без всяких причин.

— Ты покажешь мне?

— Покажу, — сказала бабушка. — Завтра. Сегодня уже устала.

Она говорила без загадочности, тем же голосом, которым просила поставить чайник. И действительно устала: откинулась на спинку стула, опустила руки на колени. Я убрала шнур и булавку, чтобы не оставлять на столе.

Потом помогла ей надеть кофту. Новая пуговица проскользнула в петлю легко, как надо.

— Хорошо пришила, — сказала бабушка.

Я провела ладонью по её плечу. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы завтра она села на то же место, взяла этот нелепый футляр и показала мне что угодно. Даже если я ничего не пойму.

Глава 4. Лён и узелки

Бабушка велела принести ключ.

Я достала из сумки льняной мешочек, вытряхнула на ладонь связку. Бабушка отодвинула её, выбрала маленький запасной ключ от сеней, который лежал в хлебнице, и положила перед собой.

— Связка тяжёлая. Этот возьмём.

На столе уже лежал квадратный лоскут серого льна. Край у него был подшит синими нитками, довольно неровно. Я узнала свою давнюю работу: летом после пятого класса бабушка учила меня шить, а я торопилась закончить и убежать на реку.

— Ты его до сих пор хранишь?

— Хорошая тряпица. Зачем выбрасывать?

Бабушка разгладила ткань. Убедилась, что я смотрю, и положила ладонь на тот край, где тянулись мои кривые стежки.

— Удержи, — сказала она негромко. — Лежащее на тебе удержи.

Ничего не произошло.

За окном гудел шмель. Карповна перелетела на подоконник, задела листья рассады и нахохлилась. Я ждала. Потом бабушка подвинула ко мне лоскут и кивнула на ключ.

— Положи сверху. Теперь подними за два уголка.

Я взяла ткань так, как она показала. Ключ лежал посередине. Когда я приподняла край, он должен был соскользнуть на стол, но остался на месте.

— Сильнее наклони, — сказала бабушка.

Я подняла руки выше. Тряпица висела почти отвесно. Ключ держался на ней, как приклеенный.

Я потрогала ткань с обратной стороны. Ни магнита, ни нитки. Даже бугорка не было. Перевернула её совсем, ключом вниз, и на всякий случай подставила ладонь. Он не упал.

— Ба…

Голос пропал. Я попробовала снять ключ пальцами. Пришлось немного потянуть, но он отделился, оставив на ткани едва заметную вмятину.

— Она не намертво держит, — объяснила бабушка. — Для того и прошу с умом, чтобы потом руками взять можно было.

Я положила ключ снова. Наклонила лоскут. Всё повторилось.

Смешнее всего было то, что мне захотелось проверить стол. Будто чудо могло прятаться под клеёнкой, хотя я уже держала его в руках.

— Это правда?

Бабушка улыбнулась.

— Правда, Надюш.

Я села. Ткань осталась у меня в пальцах, ключ тихо стукнул о стол, когда я сняла его второй раз. Так вот как это выглядело. Без дыма, без страшных слов. Бабушка в светлой кофте, незакрытая банка варенья, моя собственная детская строчка — и вещь, которая вела себя невозможным образом.

— А я смогу?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела подумать.

Серафима не сразу ответила. Посмотрела на мою руку, потом на меня.

— Если захочешь учиться. Но сначала надо, чтобы я тебе силу передала. Одних слов мало.

— Так можно?

— Можно. Об этом ещё поговорим.

Я кивнула. Мне пока хватало ключа.

Бабушка попросила налить ей чаю. Я поставила кружку рядом, а сама ходила по кухне с тряпицей и пробовала удержать на ней то пуговицу, то маленькую ложку. Ложка сползла. Бабушка объяснила, что для неё силы в ткани мало, и велела не огорчаться. Заодно попросила не брать нож: опытами на острых вещах ей заниматься не хотелось.

На футляр соседки в тот день она только пришила новый шнур покрепче. Сказала, что сначала хозяйка пусть попробует так. Я не стала спорить: после увиденного хотелось верить во всё сразу, но бабушка спокойно отложила иголку и занялась списком покупок.

Когда я вспомнила про назначенное отцом собеседование, было уже начало одиннадцатого. В телефоне лежало его короткое сообщение: «Тебя ждали».

Я долго смотрела на эти два слова, потом набрала ответ: «Я заранее сказала, что не приду. Пожалуйста, не договаривайся больше без меня».

Прежде чем отправить, перечитала трижды. Бабушка не заглядывала мне через плечо. Только спросила, помочь ли убрать со стола. Я отправила сообщение и поднялась сама.

Перед обедом зашла Зоя Павловна. Поблагодарила за футляр, попробовала новый шнур и, убедившись, что очки больше не выскальзывают, унесла его.

После обеда мы разобрали нижнюю полку шкафа. Из-за коробки с ёлочными игрушками бабушка не могла достать скатерть, которую хотела выстирать. Я перенесла коробку на кровать, на этот раз без звона, и стала вынимать бельё по одной стопке.

Между наволочками лежал мешочек.

Я сперва подумала, что это мой. Тот же лён, тот же синий листик, тот же шнур в два сложения. Взяла в руки и перевернула: стежки были целые.

— Ба, у тебя ещё один?

Серафима, сидевшая на краю кровати, посмотрела.

— Пара твоему. Вместе шила, из одного отреза.

Я приложила мешочек к щеке. Он пах шкафом, сухой тканью и чуть-чуть мятой.

— А я думала, мой единственный.

— У твоего листочек немного кривой. Всё собиралась прожилку перешить, да так и подарила.

Я провела пальцем по аккуратной вышивке. Одинаковые вещи приятно было держать в разных домах. Я уже представила, как бабушка открывает шкаф, видит мешочек и вспоминает меня. Мысль была простая, немного детская, и рассказывать её вслух я не стала.

— Мой всё равно лучше.

— Конечно.

Бабушка улыбнулась и попросила положить её мешочек обратно, на ту же полку. Я устроила его поверх сложенной льняной дорожки. Свой потом достала из сумки и зашила распустившийся стежок. Получилось чуть темнее: синие нитки у бабушки нашлись другие.

Скатерть я замочила в тазу. Коробку с игрушками вернула в шкаф, бельё уложила так, чтобы бабушка могла достать его сама. На кровати осталась пустая стеклянная ваза с широким горлом. Она стояла за наволочками, и я чуть не уронила её, когда вытаскивала последнюю стопку.

— Вот куда я её поставила, — сказала бабушка. — Всё думала, у Иры оставила.

— Зачем ты её в шкаф убрала?

— Чтобы Карповна не сворotила. Она тогда по всем подоконникам ходила.

На стекле высохли белёсые полосы. Я отнесла вазу в кухню, налила воды и взялась за губку. Бабушка устроилась на стуле у открытой двери. Оттуда был виден сад.

— Сирени бы поставить, — сказала она. — Пока не кончилась.

Я посмотрела на ветки за окном. На улице мне хотелось любоваться ими, а при мысли о букете почему-то сразу вспомнился рабочий стол: мокрая бумага, списки доставок, телефон,

который звонил, когда обе руки заняты. Всего несколько дней назад я не могла спокойно допить чай, чтобы кому-нибудь что-нибудь не понадобилось. Теперь никто не звонил, и легче от этого было не всегда.

— Просто срежем и поставим, — предложила я.

— Ну конечно. А что ещё?

Бабушка не ждала от меня ничего особенного. Ей хотелось сирени в кухне. Я вытерла вазу, поставила на клеёнку и пошла за секатором.

Он нашёлся на полке в сенях, возле рабочих перчаток. Пружина была тугая, ручки не сразу расходились. Я несколько раз сжала их, проверила лезвие и взяла перчатки тоже. В сад вышла уже без прежней тяжести в животе: это была понятная работа, которую я умела делать.

С верхними ветками я не справилась бы без лестницы, поэтому выбрала три нижние. Одна росла почти горизонтально и каждый раз цепляла меня за рукав. Две другие пришлось поискать: с этой стороны цветы уже начинали темнеть. Бабушка наблюдала с крыльца и показывала рукой, какую она имела в виду.

— Вон ту, слева. Нет, левее. Ещё левее, Надюш.

— Ба, там уже забор.

— Вот перед ним.

Я нашла нужную ветку. У неё было два соцветия, одно чуть светлее другого. Бабушка довольно кивнула, словно сама до неё дотянулась.

На столе ветки показались огромными. Я убрала нижние листья, подрезала концы, попробовала поставить все три вместе. Ваза оказалась слишком лёгкой и качнулась.

Бабушка придержала её.

— Может, банку?

— Сейчас.

Я вынула одну ветку, повернула другую. Стекло перестало заваливаться, но между цветами образовалась дыра. В салоне я бы уже позвала флориста, чтобы не портить материал, который кто-то оплатил. Здесь можно было вынуть всё и начать снова. Никто не стоял над душой, не спрашивал, почему ещё не готово.

— Лист большой сюда положить? — спросила бабушка.

Она держала в руках отрезанную веточку с двумя листьями.

— Попробуй.

Серафима осторожно вставила её в вазу. Один лист закрыл голый стебель, второй остался наверху и мешал.

— Этот уберём, — сказала я.

— Жалко. Хороший.

Я сдвинула сирень, нашла ему место сбоку. Получилось немного неровно, зато цветы больше не стояли тремя отдельными пучками. Бабушка поднялась, обошла стол и посмотрела со стороны двери.

— Вот теперь мне нравится.

— Тогда пусть так.

Я срезала лишний конец, налила ещё воды. Мы поставили вазу на край буфета, подальше от Карповниных обычных переходов. Чтобы освободить место, пришлось убрать пустую коробку от печенья, старый календарь и одинокую крышку. Под ними нашлась заколка, которую я искала ещё зимой.

— А ты на меня думала, — заметила бабушка.

— Я на ворону думала.

— Вот она бы удивилась.

Я вымыла руки, но пальцы всё равно пахли сиренью. Постояла возле буфета и вдруг достала телефон. Мне захотелось сфотографировать цветы так, чтобы было видно и старое дерево, и кружку с жёлтым ободком на нижней полке.

— Ба, посмотри сюда.

Она сразу отступила.

— Ой, не надо. Я непричёсанная.

— Ты хорошая.

— Хорошая могу быть и причёсанная. Подожди.

Я опустила телефон. Бабушка ушла к зеркалу, пригладила волосы влажной ладонью, сняла с рукава приставшую нитку. Потом вернулась и спросила, где ей встать. Я показала место у буфета.

На первом снимке она смотрела в сторону, на втором — слишком старательно улыбалась. Я показала ей экран. Бабушка прищурилась, достала очки.

— Это что же я так губы поджала?

— Ты боялась пошевелиться.

— А чего ты меня поставила? Я когда стою, всегда думаю, куда руки деть.

Она села за стол, подвинула к себе кружку и попросила снимать так. Я присела напротив. За её плечом виднелась сирень, солнце ложилось на край рукава. В этот момент Карповна стукнула клювом в подоконник, требуя внимания. Бабушка повернула голову и засмеялась. Я успела нажать.

— Покажи, — попросила она.

Этот снимок ей понравился. Она долго рассматривала экран, потом стала увеличивать пальцами и нечаянно пролистнула на другую фотографию. Там был большой букет, который я помогала собирать ещё в апреле.

— Это тоже ты?

— Мы вместе. Я только зелень ставила и упаковку.

— Красиво. А нашу сирень ты сняла?

— Сняла.

— Ире пошли. И меня тоже, если она не испугается.

— Ба.

Она улыбнулась и вернула телефон. Я выбрала два снимка, написала маме: «Нашли вазу. Теперь у нас красиво». Долго думала, добавить ли что-нибудь про утреннее сообщение отца. Не добавила. Эти фотографии не должны были объяснять, кто из нас прав.

Мама ответила почти сразу: «Какая хорошая. Вы вместе снимитесь».

Я показала бабушке. Она отодвинула стул от стола, а я поставила свой рядом. Нам пришлось прижаться плечами и вытянуть телефон далеко вперёд. В кадре сначала оказалась половина моего лица, потом только бабушкин лоб. Мы обе засмеялись, и наконец получился неровный снимок: я смотрела на экран, бабушка — на меня.

— Этот отправляй, — сказала она.

Я отправила. Следом пришло мамино голосовое сообщение. Она спрашивала, тепло ли дома, где мы нашли вазу и не ту ли это она когда-то подарила. Бабушка слушала, наклонив голову к телефону, а потом попросила показать, куда нажать для ответа.

Мы записали короткое сообщение втроём с Карповной: ворона решила каркнуть в самую последнюю секунду. Бабушка хотела переделать, я сказала, что мама и так поймёт. Мы послушали ещё раз и оставили.

Потом я вытащила скатерть из таза, выполоскала и вынесла во двор. Когда вернулась, Серафима уже сидела у буфета с чаем. Сирень стояла над её плечом. Мне понравилось смотреть на них без телефона, и я села рядом.

К вечеру я привыкла к мысли, что живу с ведьмой. Иногда посматривала на тряпицу, которую оставила возле хлебницы. Больше ничего не проверяла. Хотелось просто провести день рядом с бабушкой, пока нам не нужно никуда ехать и никто не требует отчёта.

* * *

Во вторник мы переносили рассаду из ящиков в грядку.

Я связала волосы в хвост, но резинка сползала: после мытья тёмно-русые волны никак не хотели лежать ровно. Бабушка, сидевшая на низком стульчике, терпеливо ждала, пока я в четвёртый раз уберу прядь с лица.

— Дай косу заплету.

— Тут же быстро.

— Вот именно.

Я присела перед ней на корточки. Она провела пальцами по волосам, разделила их на три пряди. В детстве я возмущалась, когда она затягивала туго. Сейчас сидела спокойно, чувствуя знакомые прикосновения к затылку.

— Уже до лопаток, — сказала бабушка. — А всё помню, как ты сама чёлку подровняла.

— Ба, мне было семь.

— И ножницы были мои хорошие.

Мы обе засмеялись. Она вплела выбившуюся прядь, взяла у меня резинку. Я обернулась и поцеловала её в щёку.

Когда пришли Катя с Пашей, половина рассады уже была посажена. Катя несла бабушке банку сметаны от матери, Паша — пустой пластиковый ящик, который они брали под свои стаканчики.

— Можно к вам опять с рисунками? — спросила Катя. — Когда закончу.

— Приходи, — ответила я. — Только я ничего в поступлении не понимаю.

— Мне просто показать.

Паша поставил ящик возле сарая.

— У нас стол весь в бумаге. Есть негде.

— Мы на кухне едим, — сказала Катя.

— Ну, я там детали раскладывал.

Она покачала головой и ушла к калитке. Паша не сразу последовал за ней. Потыкал носком землю у ящика, посмотрел в сторону дома.

— Ей обязательно так далеко? Вон в городе, куда Илья ездит, тоже училище есть.

— Она на другую специальность хочет, — сказала я.

— А рисовать дома нельзя?

Я не знала, как ответить, чтобы не прозвучало свысока. Катя позвала его с улицы. Паша вздохнул, подхватил валявшуюся возле ступеньки палочку и пошёл за сестрой, проводя ею по нижней доске забора.

Бабушка долго смотрела ему вслед, потом попросила воды. Я принесла кружку и предложила закончить без неё. На этот раз она согласилась сразу.

Илья появился возле ограды, когда я уже мыла лопатку. Он только вернулся из города: машина стояла у его дома, а в руке он держал пакет, который, видимо, ещё не успел занести.

— Добрый вечер. Освоились?

Я посмотрела на свои колени, испачканные землёй.

— Судя по виду, да.

Он улыбнулся, спросил, дома ли Серафима Никитична. Бабушка услышала его голос и сама вышла на крыльцо.

— Илья, ты ел?

— Сейчас собирался.

— Так заходи. У нас рыба. Надя столько сделала, на троих хватит.

Я хотела объяснить, что рыбы как раз немного, но увидела, как он посмотрел на меня. Словно спрашивал разрешения, которое бабушка за меня дать не могла.

— Заходите, — сказала я. — Я ещё салат нарежу.

— Я пакет отнесу и вернусь.

Пока он ходил домой, я успела умыться, сменить футболку и почему-то распустить косу. Потом рассердилась на себя: бабушка только сегодня заплетала, а я разрушаю её работу из-за ужина с соседом. Собрала волосы свободнее и пошла резать огурцы.

Илья принёс хлеб и банку вишнёвого варенья.

— К чаю, — сказал он. — Сам не варил, сразу предупреждаю.

— А мы уже поверили, — отозвалась бабушка.

За столом он сначала говорил с ней: про дорогу, про продавца рассады у поворота, про то, что в магазине починили холодильник. Я раскладывала рыбу и слушала. Мне нравилось, что он не говорил с бабушкой нарочито громко и не спрашивал каждые две минуты, как её здоровье. Она рядом с ним оставалась собой.

Потом он спросил, чем я занималась в городе.

Я взялась за вилку.

— Заказами в цветочном салоне. Три года.

— Нравилось?

Это был непривычный первый вопрос. Я даже подняла голову.

— Очень. Когда получалось договориться со всеми. Клиент хочет одно, цветов привезли другое, водитель застрял… Иногда к вечеру уже ничего не соображаешь. А потом присылают фотографию, и там всё как надо.

— Вы сами букеты собирали?

— Помогала. Если сложное — у нас флорист был. А простое могу.

Илья слушал, положив вилку на край тарелки. У него были карие глаза, тёплые при кухонном свете. Я поймала себя на желании рассказать что-нибудь ещё, чтобы он продолжал так смотреть.

— А почему вы здесь поселились? — спросила я. — Ездить ведь каждый день.

— Хотел дом. И чтобы вечером можно было выйти, а не искать место на парковке.

— Теперь ищете трактор.

Он рассмеялся и кивнул.

— Зато вечером тихо.

— Один живёте?

Вопрос прозвучал слишком быстро. Я опустила глаза и подвинула к нему салат, хотя он не просил.

— Один, — ответил Илья. — Можно огурцы взять?

— Конечно. Я для вас и подвинула.

Бабушка занялась своей тарелкой. Я была ей благодарна за то, что она не подняла головы.

После ужина Серафима сказала, что немного полежит. Я помогла ей дойти до комнаты, поставила воду возле кровати. Вернувшись, увидела, что Илья убирает со стола.

— Не надо, я сама.

— Тогда я буду подавать.

Он встал рядом с мойкой. Когда я потянулась за тарелкой, наши пальцы соприкоснулись. Ничего особенного не случилось, но я вдруг перестала слышать, о чём сама говорила.

— Держи, — сказал он, передавая следующую. — То есть держите.

Я улыбнулась.

— Давай уже на ты.

— Давай.

Мы помыли посуду. Он вытирал тарелки медленнее меня, внимательно проверял, не осталось ли воды на ободке. Я рассказала про космею, про то, как бабушка учила меня не путать рассаду, и на несколько минут совсем забыла о телефонном сообщении отца.

Варенье так и стояло закрытым. Я взяла банку, попробовала отвернуть крышку. Не получилось. Илья протянул руку, но я не отдала.

— Сейчас полотенце найду.

Он подождал. Я обхватила крышку через ткань, повернула, и та щёлкнула.

— Видишь?

— Вижу, — сказал он. — Теперь можно мне ложку?

Пришлось рассмеяться. Я достала две маленькие ложки и блюдца, налила чай. Мы остались на кухне, только пересели ближе к окну, чтобы не мешать бабушке голосами.

Илья спросил, помню ли я старую лодку у реки. Я сразу вспомнила её зелёный борт и скамейку, к которой всё время липли шорты: хозяин зачем-то красил её каждое лето. Оказалось, лодка до сих пор стояла там, только теперь вверх дном, возле сарая.

— Я думала, её давно унесло, — сказала я.

— Нет. Хорошая лодка была. Не знаю, можно ли ещё починить.

— Надо сходить посмотреть.

— Сходим.

Он произнёс это легко. Я подняла глаза, но Илья уже доставал из блюдца вишню, стараясь не уронить её на скатерть. Я не стала уточнять, когда именно мы пойдём. Мне понравилось само это «сходим», появившееся между нами без просьбы о помощи и без бабушкиного приглашения.

Чай был слабый, варенье очень сладкое. Мы съели по несколько ложек и закрыли банку. Когда Илья поднялся, я поймала себя на том, что мне жаль заканчивать вечер. Не потому, что одной скучно. Хотелось ещё немного посидеть именно с ним.

Перед уходом Илья попросил, чтобы бабушка пока не работала в огороде одна. Я сказала, что присмотрю.

— Она давно у врачей наблюдается, — добавил он. — Но если заметишь, что ей хуже, не жди, пока сама пожалуется. Позвони мне. А если станет резко плохо, сразу вызывай скорую.

Он оставил мне номер. Я записала его и проводила до калитки.

Вернувшись, заглянула к бабушке. Она не спала, лежала на боку поверх покрывала. Кофта была застёгнута на мою пуговицу, одна рука прижата к щеке.

— Хорошо посидели, — сказала она.

— Хорошо.

Я присела на край кровати. Хотела рассказать, как Илья перепутал полотенца и чуть не взял то, которым мы вытирали землю. Но бабушка закрыла глаза, не дослушав начала, и я замолчала.

Ещё днём она заплетала мне волосы. А теперь даже короткий ужин отнял у неё столько сил, что я боялась пошевелиться и потревожить её отдых.

Глава 5. Накануне

В среду утром бабушка не пришла завтракать.

Я сначала подумала, что она спит. Налила себе чай, нарезала хлеб, заглянула в холодильник. Потом услышала из комнаты шорох и позвала:

— Ба, тебе сюда принести?

— Сейчас, Надюш.

Я подождала. Чай остывал. В доме было тихо, и я всё-таки отставила кружку и пошла к ней.

Бабушка сидела на кровати. Кофта лежала рядом, одна нога была в тапке, другая стояла на половике. Она посмотрела на меня с виноватой улыбкой.

— Что-то никак не соберусь.

Я опустилась перед ней, помогла надеть второй тапок. Когда взяла её за руку, пальцы оказались холодными.

— Тебе плохо?

— Слабость. Сейчас пройдёт.

Она попыталась подняться. Я подставила плечо, но бабушка сразу села обратно, тяжело выдохнула и прикрыла глаза. Мне стало страшно.

— Я Илье позвоню.

— Он на работу собирается.

— Я всё равно позвоню.

Телефон выскальзывал из рук. Я нашла вчерашний номер, нажала вызов и только тогда сообразила, что даже не поздоровалась, когда он ответил.

— Бабушке плохо. Не может встать.

Он задал несколько вопросов, попросил не оставлять её одну и сказал, что сейчас придёт. Я вернулась в комнату с телефоном. Села рядом, взяла бабушку за руку.

— Ты только не волнуйся, — попросила она.

— Не буду.

Разумеется, я волновалась. Поправляла край покрывала, хотя он не мешал, придвигала воду, отодвигала. Смотрела на дверь и ждала, когда скрипнут ступеньки.

Илья пришёл в рабочей рубашке, с небольшой сумкой. Поздоровался с бабушкой, сел возле неё и заговорил так спокойно, что я почти поверила: сейчас он что-нибудь сделает, она улыбнётся и пойдёт пить свой чай.

Но после осмотра он не улыбнулся.

— Серафима Никитична, нужно в больницу. Сегодня.

— Я недавно там была.

— Я помню. Сейчас состояние другое. Дома оставаться нельзя.

Бабушка посмотрела на меня. Я увидела в её лице совсем не упрямство, которого ожидала, а усталость. Ей не хотелось снова собираться, ехать, отвечать на вопросы. Она хотела остаться в своей кровати, и оттого мне самой захотелось упросить Илью придумать что-нибудь другое.

— Я с тобой поеду, — сказала я. — Всё соберу. Ты только скажи, где документы.

Серафима кивнула в сторону шкафа.

Илья вызвал скорую и остался до её приезда. Мне велел положить выписки вместе с лекарствами, которые бабушка принимала, чтобы врачи ничего не искали по памяти. Я достала папку, увидела внутри множество листов с печатями. Их оказалось гораздо больше, чем я представляла.

Бабушка давно болела. Я знала это, спрашивала по телефону, слышала привычное «ничего, лечусь». И всё-таки сейчас, держа в руках толстую папку, чувствовала себя девочкой, которую взрослые забыли предупредить.

— Почему ты не говорила, что тебе хуже?

— Сама надеялась, что полегчает.

Я хотела возразить, но в сенях уже заговорили чужие люди. Дальше пришлось отвечать, приносить, отступать с дороги. Когда бабушку увозили, я успела наклониться к ней и поправить выбившийся из-под платка локон.

— Я следом, ба.

Она сжала мою руку.

Илья довёз меня до больницы: ему всё равно нужно было в город, а я не знала, как сейчас ждать автобус. По дороге он не обещал, что всё обойдётся. Говорил, куда мы едем, где принимают родственников, что дальше бабушкой займутся врачи отделения.

Я смотрела в окно. Те самые тридцать пять километров, про которые мы ещё вчера разговаривали за ужином, никак не заканчивались.

— Это из-за огорода? — спросила я. — Мы вчера сажали. Я могла одна.

— Надя, дело не в одной грядке. У неё тяжёлая болезнь. Сейчас важно, что помощь уже рядом.

Я прижала к себе бабушкину кофту. В спешке сунула её поверх вещей, потом вытащила, и так и держала на коленях. Под пальцами попалась пришитая мною пуговица.

У больницы Илья помог донести сумку до приёмного отделения. Дальше его ждали на работе. Он записал, где меня оставляет, попросил написать, когда что-нибудь станет известно, и ушёл.

Я осталась с папкой и пакетом домашних тапочек. Бабушки рядом уже не было. Без неё даже её вещи выглядели чужими.

* * *

К вечеру приехали родители.

Мама вышла из машины раньше, чем отец успел заглушить двигатель. Я стояла возле больничного входа и не знала, как встретить её после нашей последней ссоры. Она подошла, обняла меня и сразу спросила про бабушку.

— Ей немного легче. Врач сказал, что пока рано что-то обещать.

Мама кивнула. Лицо у неё было бледное, возле виска прилипла прядь волос. Она убрала её, посмотрела на закрытые двери, и я вдруг увидела, как сильно она похожа на бабушку, когда не старается держаться.

Отец забрал у меня пустой пакет.

— Ирина, иди. Я здесь подожду.

Маму пустили ненадолго. Я села на скамейку рядом с отцом. Мы несколько минут молчали. Он спросил, ела ли я, и достал из машины бутылку воды. Я выпила почти половину.

Про собеседование он не заговорил. Я тоже.

Потом мы поехали в Липовку. На крыльце нас встретила Карповна, сердито переступавшая с лапы на лапу. Я вспомнила, что оставила ей еду утром, но воды в блюдце могло уже не быть. Пошла за чистой миской. Ворона спрыгнула на ступеньку, дождалась, пока я налью, и долго пила.

Мама остановилась в дверях.

— Она всё ещё здесь?

— Да.

— Мама мне про неё каждый раз рассказывает.

От этих слов снова защипало глаза. Я опустилась на корточки, будто нужно было поправить миску, и несколько раз глубоко вдохнула.

В холодильнике оставался суп. Я поставила кастрюлю на плиту, начала искать крышку и никак не могла найти. Перебрала всё возле мойки, заглянула в шкаф, вытащила сковороду. Отец хотел помочь, я ответила слишком резко:

— Я сама знаю, где у неё что стоит.

Крышка нашлась в духовке, куда бабушка убирала вымытые противни. Я взяла её и замерла. Кажется, до этой минуты мне нужно было верить хотя бы в то, что я знаю её дом.

— Пап, прости.

Он кивнул и поставил сковороду обратно.

За ужином мама рассказала, что бабушка попросила завтра привезти расчёску и любимое полотенце. Я записала это в телефон. Потом добавила зарядку, хотя бабушка почти не пользовалась телефоном в больнице. Хотелось сделать длинный правильный список, который защитит нас от всего, чего я не предусмотрела.

Когда я вышла закрыть калитку, позвонил Илья.

— Как она?

Я пересказала то немногое, что знала. Он выслушал, уточнил, приехали ли родители, и спросил, нужно ли что-нибудь привезти из города. Я сказала, что ничего.

Потом, уже собираясь попрощаться, призналась:

— Мне страшно.

Он помолчал.

— Я понимаю. Ты сейчас дома?

— У калитки.

— Побудь с родителями. И постарайся сегодня поспать. Завтра я после работы смогу заехать, если понадобится.

Я не ждала от него правильных слов. Мне просто было хорошо слышать знакомый голос и знать, что можно ответить честно, даже если никакой полезной просьбы у меня нет.

В доме отец искал запасную подушку, мама стелила себе на бабушкиной кровати. Я принесла бельё и раскладушку, которую мы с отцом достали из сарая. Уложили его в кухне, предварительно отодвинув стол. Всё заняло много времени. Заснула я всё равно не сразу: прислушивалась, не зовёт ли бабушка из соседней комнаты, и каждый раз вспоминала, что её там нет.

* * *

В четверг перед поездкой мама долго выбирала бабушке ночную рубашку. Расстелила на кровати две, сравнила, потянула ткань у ворота.

— Вот эта мягче.

— Она другую любит. С маленькими цветами.

— У неё шов жёсткий.

Я провела пальцами по шву. Он был обычный, застиранный. Хотела сказать, что мама опять всё решает за человека, но посмотрела на неё и промолчала. Она так старательно разглаживала рубашку, будто от этого тоже что-то зависело.

— Давай обе возьмём, — предложила я. — Ба выберет.

Мама кивнула. Мы сложили рубашки в пакет, сверху положили полотенце. В одной из стопок нашлась тонкая наволочка с голубыми цветами.

— Моя, — сказала мама.

— Твоя?

— Когда я здесь жила. Мама её берегла, всё говорила, жалко на тряпки.

Я держала наволочку за два уголка. Ткань была такая старая, что почти просвечивала. На ней спала моя мама, когда ещё не была моей мамой, когда тоже приходила в эту комнату сердитая или счастливая и звала Серафиму с порога. Я знала это всегда, но сейчас впервые как будто увидела.

— Оставим здесь, — сказала я.

Мы убрали её обратно. Мама села на край кровати и прижала пальцы к закрытым глазам. Я стояла рядом, потом осторожно положила ладонь ей на плечо. Она накрыла мою руку своей, ничего не сказала. Я тоже.

Отец позвал нас из сеней. Пока мама умывалась, я вынесла пакет в машину. Он спросил, где бабушка держит отвёртки: вечером хотел подтянуть крепления калитки.

— Только узелок не снимай, — попросила я.

— Какой узелок?

Я показала. Отец нагнулся, посмотрел с внутренней стороны и пожал плечами.

— Он не мешает. Зачем снимать?

Я поблагодарила его и села на заднее сиденье. Пока ждали маму, смотрела на кухонное окно. Карповна сидела на раме, вытянув шею, и следила за нами. Мне очень хотелось, чтобы вечером она встретила не только меня.

В больницу мы привезли расчёску, полотенце и обе рубашки. Большую часть времени в палате были по очереди. Бабушка быстро уставала от разговоров.

Я помогла ей причесаться. Волосы путались на затылке, и я разделяла пряди пальцами, стараясь не дёрнуть. Она закрыла глаза. Вчера я боялась даже прикоснуться к ней, а сейчас радовалась каждой простой вещи, которую могла сделать.

— Сильно торчат? — спросила бабушка.

— Ничего не торчит. Красавица.

Она слабо улыбнулась.

На тумбочке лежало яблоко. Бабушка попросила убрать его в пакет: пока не хотелось. Я завернула яблоко в салфетку, положила на дно сумки. Потом поправила край полотенца и села рядом.

— Как дома?

— Нормально. Мама цветы полила. Папа калитку хочет поднять, чтобы землю не задевала.

— Только пусть с петель не снимает один. Тяжёлая.

— Я скажу.

— Карповну кормила?

— Кормила. Она меня теперь встречает, как будто я ей должна.

Бабушка улыбнулась снова. Мы немного помолчали. В коридоре прокатили тележку, за перегородкой кто-то попросил воды.

— Надя, — сказала она. — Ты про наше дело подумала?

Я поняла не сразу.

— Про силу?

— Про неё.

Я посмотрела на её руку поверх одеяла. Мне совсем не хотелось говорить о наследстве, о том, что останется, о времени, которого может не хватить. Хотелось рассказывать про Карповну и папу с калиткой.

— Ба, сначала тебе надо поправиться.

— Я лечусь. Всё делаю, что говорят. Только это можно долго откладывать.

— Ты же не знаешь…

— Не знаю, — ответила она. — И никто мне дня не называл. Но я чувствую, что слабею. Хочу успеть поговорить с тобой спокойно.

Я сжала край стула. Бабушка не торопила.

— Если я возьму, тебе станет хуже?

— От этого нет. Болезнь у меня своя. Дар меня не держит и не лечит.

— А меня он сможет…

Я не договорила. Серафима поняла.

— Меня вылечить не сможет. Не для этого он. Ни у меня не получилось бы, ни у тебя.

Я опустила голову. По щеке покатилась слеза, упала на руку. Было стыдно плакать перед бабушкой, которой самой тяжело, но остановиться я не могла.

— Иди сюда, — попросила она.

Я придвинула стул вплотную. Она погладила меня по голове, как во вторник, когда заплетала косу. Только теперь движения были медленные, и я старалась не наваливаться на её руку.

— Я тебя люблю, — сказала я. — Очень.

— Знаю, моя хорошая. И я тебя.

Я вытерла лицо ладонью, потом нашла салфетку. Бабушка подождала, пока я успокоюсь, и попросила слушать.

— Если примешь, надо будет учиться. Я тебе умение руками не передам. Только возможность. Слова, вещи, всякая моя работа — в книге. Кое-что Карповна подскажет.

— Карповна?

— Моя помощница. Присматривайся к ней. Не обижай.

Я покосилась на дверь. Вспомнила ворону у блюдца, её чёрные внимательные глаза. После ключа на тряпице мне уже трудно было уверенно сказать, что возможно, а что нет.

— Я и не обижаю.

— Знаю. И ещё. Не хочешь — скажи. Я не затем спрашиваю, чтобы ты меня пожалела. Жить тебе потом по-своему.

— Я хочу, ба.

Она осторожно сжала мою ладонь.

— Подумай до завтра. Не бойся передумать.

Я кивнула. Серафима закрыла глаза, и я решила, что она заснула. Уже потянулась убрать расчёску, когда бабушка заговорила снова:

— Утром открой мой сундук. Под окном, в комнате. Там тетрадь в коричневой клеёнке, под полотенцами. Привези её, ладно?

— Привезу.

— Тяжёлая она. В пакет тонкий не клади.

Я накрыла её руку своей и ещё посидела рядом. Потом пришла мама, и я уступила ей стул. У двери оглянулась. Бабушка смотрела на нас обеих и улыбалась — устало, но совсем по-домашнему.

В машине я добавила к завтрашнему списку тетрадь. Слово «книга» писать не стала. Боялась, что если назову её так, сразу придётся думать обо всём, что мы с бабушкой ещё не успели сделать вместе.

Глава 6. Тёплая ладонь

Защёлка сундука открылась не сразу. Я подцепила её ногтем, потянула на себя и наконец подняла тяжёлую крышку.

Сундук стоял под окном бабушкиной комнаты. Низкий, деревянный, с потёртыми углами. Раньше я садилась на него, когда разговаривала с бабушкой, и никогда не думала о том, что внутри может лежать что-нибудь, кроме постельного белья.

Под полотенцами нашлась толстая тетрадь в коричневом клеёнчатом переплёте. Угол обложки был надорван, корешок стянут полоской ткани. Я взяла её обеими руками. Бабушка не зря предупредила: тетрадь оказалась тяжёлой, страницы распухли от вклеенных листов и маленьких бумажных закладок.

Я приоткрыла её посередине. Узнала почерк — крупные округлые буквы, тесные окончания, когда строчка подходила к краю. Таким почерком бабушка писала мне адрес на конверте, когда я была маленькой, и подписывала банки с вареньем. На странице виднелось чайное пятно, возле него стояло короткое «ещё раз».

Я закрыла книгу. Читать хотелось рядом с ней, чтобы можно было сразу спросить, что означают непонятные слова.

Ночью я много думала о её предложении. Вспоминала ключ, который не падал с тряпицы, и собственное удивление. Мне хотелось снова испытать его, понять, как бабушка это делала. Хотелось уметь что-нибудь новое, пусть сначала самое маленькое и бесполезное.

Я боялась. Не знала, справлюсь ли, не окажется ли всё это слишком трудным. Но бабушка не обещала за меня ни работать, ни выбирать. Она оставляла мне книгу, которую придётся читать самой. Я провела пальцем по потёртому корешку и поняла, что всё равно хочу попробовать.

Из кухни доносился звон ложки: мама размешивала чай. Обычный утренний звук помог мне успокоиться. Я поправила полотенца в сундуке, чтобы не прищемить край крышкой, и поднялась.

В сенях позвала мама. Я положила тетрадь в матерчатую сумку, сверху — чистый носовой платок, который бабушка просила накануне. Закрыла сундук и проверила, защёлкнулся ли.

Телефон показывал пятое июня, пятницу.

Неделю назад в такую же пятницу я везла по улице чемодан на Тамариной тележке. Тогда мне казалось, что со мной уже случилось всё плохое, что могло случиться за один раз.

Я убрала телефон, чтобы не смотреть на дату, и вышла к родителям.

Бабушка за ночь стала слабее. Врач встретил нас в коридоре и говорил с мамой довольно долго. Я стояла рядом с отцом, слушала и не могла удержать в голове всё, что он объяснял. Понимала только главное: болезнь оказалась сильнее лечения, состояние тяжёлое, им жаль, что нет лучших новостей.

Мама спросила, можно ли к ней.

Врач кивнул.

Я шла по коридору с сумкой, прижатой к животу. Мне вдруг стало важно нести книгу ровно, чтобы не смялись страницы. Словно именно это я обещала бабушке и должна была выполнить без ошибки.

Она лежала с закрытыми глазами, но открыла их, когда мама взяла её за руку.

— Приехали.

— Приехали, мам, — ответила мама.

Отец остался у изножья кровати. Бабушка посмотрела и на него, шевельнула пальцами. Он подошёл ближе, наклонился. Я не услышала, что они сказали друг другу.

Потом она заметила мою сумку.

— Нашла?

— Нашла, ба.

Я вынула тетрадь и показала. Бабушка коснулась обложки кончиками пальцев, совсем легко.

— Вот и хорошо. Дома на кухне положишь. Только возле воды не держи.

Я кивнула. Спросила, хочет ли она что-нибудь посмотреть. Бабушка покачала головой. Я положила книгу на тумбочку, подальше от стакана.

Утро прошло в коротких разговорах и ожидании. Мы выходили, когда приходили медсёстры, возвращались, сидели возле кровати. Отец купил нам чай, который я так и не допила. Мама всё время поправляла бабушкино одеяло, а потом сама одёргивала руку, чтобы лишний раз её не беспокоить.

После обеда бабушка проснулась и попросила меня остаться. Мама поцеловала её в лоб, сказала, что будет рядом, и вышла с отцом в коридор.

Я села на её место. Поставила сумку на пол у стула. В комнате пахло чистым бельём, чужим мылом и чем-то больничным, к чему я уже успела привыкнуть. Мне не хватало запаха бабушкиной кухни.

— Ты подумала? — спросила Серафима.

— Да.

Она ждала. Я понимала, что одного этого слова ей мало.

— Я хочу принять твой дар, ба. Хочу учиться.

— Ты не обязана оставаться в доме из-за него.

— Знаю.

— И всем подряд помогать не обязана. Сначала себя береги.

Я провела большим пальцем по её ладони. Мне хотелось запомнить каждую складочку, но я понимала, что так запоминают только от страха потерять.

— А мама знает?

— Знает. Я ей когда-то предлагала. Она не захотела.

— Ты не обиделась?

— За что? Ей это было не нужно. И ты можешь не взять.

Бабушка произнесла это просто, без обиды в голосе. Мне стало легче. Всё происходящее было большим и непонятным, но хотя бы в этой маленькой комнате от меня не требовали угадать правильный ответ.

— Я хочу, — повторила я. — Правда.

Она чуть сильнее сжала мои пальцы.

— Тогда возьми меня за руку как следует. Скажи, что принимаешь от меня силу. Своими словами, Надюш. Я услышу.

Я пододвинула стул, чтобы ей не пришлось тянуться. Её ладонь лежала в моей, лёгкая, тёплая в середине и холодная на кончиках пальцев.

— Я принимаю твою силу, бабушка. По своей воле.

Серафима смотрела на меня. Она слышала и понимала, что я говорю; это было видно по её глазам, по тому, как она ответила на моё прикосновение.

— Отдаю тебе, — сказала она.

Тепло появилось не сразу. Сперва я почувствовала слабое покалывание в ладони и решила, что просто слишком крепко держу бабушкины пальцы. Хотела ослабить хватку, но она удержала мою руку.

Потом тепло прошло выше, к запястью. Не обожгло, не ударило — медленно разошлось под кожей, заставив меня глубоко вдохнуть. Я смотрела на наши руки. Они были самые обычные. Моя — с обломанным у края ногтем, её — с тонкой кожей и знакомой родинкой возле большого пальца.

Когда тепло стихло, бабушка выдохнула.

— Всё. Теперь у тебя.

— А у тебя?

— Отдала.

Я не стала искать в себе что-нибудь новое. Не прислушивалась к стенам, не пыталась понять непонятное. Передо мной лежала бабушка, и я очень хотела, чтобы она отдохнула.

— Воды? — спросила я.

Она кивнула. Я помогла ей сделать маленький глоток, поставила стакан на тумбочку. Бабушка попросила поправить подушку. Я позвала медсестру, и мы вместе устроили её удобнее. Потом медсестра ушла, а я снова села рядом.

Мы ещё поговорили. О том, что отец подтянул крепления калитки, и теперь створка меньше цепляла землю. Что на грядке всё в порядке. Что Карповна утром вытащила из блюдца кусочек каши и положила на перила, как будто берегла на потом.

Бабушка слушала. Иногда улыбалась, иногда закрывала глаза, и я замолкала, пока она сама не спрашивала что-нибудь ещё.

— Тебе хорошо было дома? — спросила она.

— С тобой — очень.

— Я рада, что ты приехала.

Я наклонилась и поцеловала её в щёку. Кожа была мягкая, знакомая. Мне захотелось лечь рядом, как в детстве, когда после грозы я боялась засыпать одна. Но я только прижалась лбом к её виску и постояла так, держась за край кровати.

— Я тоже рада, ба.

Когда я выпрямилась, бабушка смотрела на меня и пыталась что-то сказать. Я приблизилась, боясь не расслышать.

— Ты ешь, — прошептала она. — А то опять ничего.

Я кивнула. Горло сжалось так, что ответить не получилось.

Мама вернулась и села с другой стороны. Мы были рядом, когда бабушке стало хуже. Я сразу позвала медсестру. Потом пришли ещё люди, нас попросили отойти, и я оказалась в коридоре с матерью, которая держала меня за запястье.

Я смотрела на закрытую дверь. Мне казалось, что если перестану смотреть, пропущу минуту, когда нас снова позовут.

Отец подошёл, спросил что-то у мамы. Она покачала головой. Мы стояли втроём возле стены, и я вдруг заметила на своём рукаве длинный тёмный волос. Во вторник бабушка заплетала мне косу. Ещё во вторник. Я вспоминала её руки у своего затылка, пока дверь наконец не открылась.

Врач сказал, что Серафима Никитична умерла.

Я услышала слова. Поняла их. Но всё равно ждала, что за ними последует ещё что-нибудь, после чего можно будет зайти к ней с водой, поправить подушку, спросить, удобно ли.

Мама закрыла лицо руками. Отец обнял её, а я стояла рядом и не могла вспомнить, куда поставила сумку.

Мне позволили попрощаться.

Бабушка лежала очень тихо. Я подошла, взяла её за руку. Она ещё не успела остыть, и от этого было невозможно поверить, что больше не ответит. Я провела пальцем по той самой складочке возле большого пальца и сказала:

— Ба.

Больше ничего не получилось.

Новая сила была где-то во мне. Я уже знала, что она не поможет. Но всё равно держала бабушкину руку обеими ладонями, пока мама не подошла и не обняла меня за плечи.

* * *

Из больницы мы вышли не сразу. Отец разговаривал с людьми, записывал телефоны. Мама сидела возле окна, прижав к груди бабушкину кофту. Я забрала книгу с тумбочки и положила обратно в сумку. Между ручками застрял чистый платок. Он так и не понадобился.

Илья приехал после работы. Я увидела его в коридоре и вдруг заплакала — не так, как у кровати, а громко и беспомощно, не умея остановиться.

Он подошёл, взял сумку из моих рук.

— Надя.

Я уткнулась лбом ему в плечо. Он обнял меня и стоял, пока я пыталась выдохнуть. Не просил успокоиться. Не говорил, что бабушка прожила долгую жизнь и мне нужно держаться ради мамы. Его рубашка намокла возле воротника, а я всё не могла отойти.

Потом мне стало неловко. Я подняла голову, попыталась вытереть щёки. Илья протянул салфетки.

— Я отвезу тебя. Если хочешь.

Я посмотрела на родителей. Мама кивнула, отец сказал, что они ещё немного задержатся и приедут следом.

В машине я сидела, обхватив сумку. Дорога обратно оказалась короткой. Не помнила ни поворота, ни остановки, где пересаживалась из автобуса неделю назад. Только возле деревни спросила:

— Мы всё сделали?

Илья посмотрел на дорогу, потом на меня.

— Ей помогали. Ты вовремя позвонила, её увезли в больницу. Это не твоя ошибка, Надя.

Я хотела снова спросить про грядку, про усталость после ужина, про то, что слишком поздно приехала. Но он уже услышал то, чего я не сказала.

Дома Илья открыл калитку, помог мне войти. Я поставила книгу на сухой край кухонного стола. Рядом лежала серая тряпица, на которой в понедельник держался ключ.

Илья вынес с прохода раскладушку, чтобы родители не споткнулись, налил мне воду. Потом спросил, остаться ли. Я сказала, что хочу немного побыть одна, и тут же испугалась, что он обидится.

— Я рядом, — ответил он. — Позвони, если понадоблюсь.

Он ушёл. Я услышала, как закрылась калитка, и долго сидела перед стаканом. Вода стояла совсем близко, но взять её было почему-то трудно. В доме всё осталось на местах. На подоконнике торчали бабушкины карандаши, на спинке стула висело полотенце, в хлебнице лежал запасной ключ.

Я всё ещё ждала её шагов.

В окно негромко постучали. Карповна сидела снаружи. Я поднялась, открыла створку и снова села. Ворона перелетела на спинку соседнего стула, осторожно переступила по дереву.

Я смотрела на её серую грудь и не знала, что сказать. Она тоже ждала бабушку. Наверное, весь день.

— Мы её не привезли, — сказала я наконец.

Карповна переступила ближе. Я опустила руку на край стола, и она проследила за моими пальцами.

— Она умерла. Сегодня.

Произнести это дома оказалось почти невозможно. В больнице слова сказали за меня, а здесь они вышли моим голосом и остались среди наших вещей. Я закрыла глаза. Сидела так, пока не почувствовала осторожное прикосновение к рукаву.

Ворона перебралась со стула на стол. Кончиком клюва она тронула ткань возле моего локтя, потом отступила. Я протянула ладонь, но остановилась, вспомнив, как она пугалась раньше. Карповна не отпрыгнула. Наклонила голову, и я очень легко провела пальцем по перьям у неё на шее.

Они оказались мягкими.

— Я буду тебя кормить, — сказала я. — Ты не бойся.

Не знала, зачем говорю это именно сейчас. Наверное, нужно было кому-то обещать самое простое, что я ещё могла сделать. Карповна смотрела на меня, не двигаясь. Мне показалось, что она поняла больше, чем я сумела сказать.

— Надя, — произнёс рядом хрипловатый женский голос. — Выпей хоть воды.

Я подняла голову.

Карповна смотрела прямо на меня. Чуть наклонила голову к стакану и больше ничего не сказала.

Глава 7. После гостей

В субботу я вышла на крыльцо с миской каши и спросила у Карповны:

— Ты вчера правда говорила?

Она посмотрела мимо меня, на открытую дверь. Из кухни доносились мамины шаги. Карповна дождалась, пока шаги стихнут, и только потом ответила:

— Правда. Поставь, тяжело же.

Я так и стояла с миской, наклонившись к ней. Выпрямилась, поставила еду на ступеньку и села рядом. Вчера после её слов я выпила воду, потом приехали родители, зашли соседи, кто-то всё время разговаривал. К ночи мне уже казалось, что голос мог присниться.

Теперь сомневаться было трудно.

— Ты с бабушкой так разговаривала?

— Разговаривала.

— А со мной почему молчала?

Карповна взяла немного каши и не стала отвечать с полным клювом. Я терпеливо ждала.

— Сима хотела сама тебе всё рассказать. Просила не пугать раньше времени. А потом ты сидела тут… Воду даже не брала.

Я опустила глаза на свои руки.

— Она передала мне силу.

— Значит, успела.

Ворона некоторое время смотрела на дверь, словно ожидала, что бабушка сейчас выйдет и поправит нас обеих. Я тоже посмотрела туда.

— Я думала, опять вернётся, — сказала Карповна. — Ждала здесь.

Я кивнула. На этот разговор у меня пока не хватало голоса.

Карповна перестала есть. Перебралась на ступеньку повыше, ближе ко мне, и некоторое время мы сидели молча.

Когда из дома вышел отец, она издала обычное короткое карканье и спрыгнула к миске. Я спросила её позже, неужели остальные не могут услышать человеческий голос.

— Могут, — ответила она. — Потому при них и молчу.

Я спросила, умеет ли она сама колдовать. Карповна покачала головой — движение получилось таким человеческим, что я снова замерла.

— Нет. Я Симе помогала. Приносила, смотрела, напоминала. Слова помню. Не все.

— Мне тоже поможешь?

Она почистила клюв о край ступеньки и посмотрела на окно.

— Помогу. Только ты не убирай её стульчик сразу.

Я обернулась к саду. Низкий стул стоял возле ящиков, где бабушка сидела во вторник.

— Не уберу.

— Она на спинку полотенце вешала. Я садилась рядом.

Карповна замолчала. Еда в миске осталась почти нетронутой. Я подвинула её в тень, чтобы каша не подсыхала, и опять села на ступеньку. Сказать птице, что я понимаю, было бы странно: я ещё ничего о ней не знала. Но стульчик решила пока не трогать.

Больше в тот день мы почти не разговаривали. В доме было много людей и дел, а я уставала от каждого нового лица, даже самого доброго.

* * *

С бабушкой прощались в воскресенье.

Утром отец привёз цветы. Я сняла шуршащую обёртку, подрезала стебли и перевязала их простой лентой. Руки помнили работу. Хотелось, чтобы всё лежало аккуратно, чтобы бабушке не принесли огромный колючий букет, за которым не видно людей.

Мама стояла рядом и смотрела, как я убираю лишние листья.
— Она бы сказала, что дорого, — произнесла мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.